

СОБЫТИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ 1942 ГОДА И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ Ф. С. ОКТЯБРЬСКОГО

А. Д. Попов

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь,
Российская Федерация*

В статье проанализировано освещение двух трагических событий Великой Отечественной войны: разгрома Крымского фронта (май 1942 г.) и захвата немецко-фашистскими войсками Севастополя (июнь–июль 1942 г.) в эго-документах (дневниках, письмах, текстах публичных речей, личных записях) Ф. С. Октябрьского (1899–1969), который в то время являлся вице-адмиралом, командующим Черноморским Военно-морским флотом. Проанализировав материалы 1942–1969 гг., автор статьи приходит к выводу, что присутствует типичный для источников личного происхождения субъективизм, стремление авторов эго-документов представить себя в позитивном свете, а стремление возложить ответственность за поражения и провалы на не зависящие от его воли факторы или других лиц усиливается по мере перехода от коммуникативной памяти к культурной памяти. Именно случай Ф. С. Октябрьского является ярким примером активного стремления влиять на содержание мемориального нарратива (опубликованных мемуаров, официальных документов, энциклопедических статей и публикаций в периодических изданиях), декларируемого как «битва за правду» и перерастающего в «войны памяти» с другими участниками событий, исследователями и представителями творческих профессий, становившихся «конструкторами» культурной памяти.

Ключевые слова: культурная память, историческая политика, травматический опыт, эго-документ, Черноморский флот, Севастополь, Керчь, Великая Отечественная война.

Введение

80 лет назад произошли многие драматические события, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны. Среди них максимальное продвижение немецко-фашистских войск на южном направлении, установление ими полного контроля над Украиной и Крымом. Несмотря на ожесточенное сопротивление по всей линии противостояния, Германии удалось восстановить контроль над Керченским полуостровом, утраченный в январе 1942 г. после десантной операции советских войск. Также после 250-дневного героического сопротивления летом 1942 г. был захвачен Севастополь, что создало угрозу окончательной потери СССР своих стратегических позиций в Черноморском регионе. Боевыми действиями 1942 г. на южном направлении посвящено очень большое количество исследовательских работ, что не исключает, а скорее наоборот, активизирует многочисленные дискуссии, в том числе связанные с оценками эффективности командования, попытками проанализировать причины военных неудач Красной Армии и определить виновных в многочисленных жертвах.

Для того чтобы в таких неизбежных дискуссиях занимать рациональную, а не эмоциональную позицию, большое значение имеет знакомство с историческими источниками, в том числе личного происхождения, особенно если речь идет об эго-документах, связанных с историческими персоналиями, непосредственно участвовавшими в принятии и организации исполнения важнейших решений. Именно такими документами являются дневники, письма, личные записи, тексты публичных выступлений Филиппа Сергеевича Октябрьского

(1899–1969), который на протяжении всего 1942 г. являлся командующим Черноморским Военно-морским флотом (ЧФ). Эти тексты, датируемые периодом с момента описываемых событий и до смерти Октябрьского в июле 1969 г., интересны не только для военной истории, но и с позиций исследований памяти (memory studies). Они позволяют проследить специфику автобиографического нарратива о войне высшего командного состава, выявить возможные «фигуры умолчания» и противоречивые суждения, а также проанализировать процесс репрезентации личных воспоминаний в публичном информационно-коммуникативном поле уже в послевоенный период.

Обзор литературы

Описание деятельности вице-адмирала Ф. С. Октябрьского в 1942 г. как командующего ЧФ и Севастопольского оборонительного района (СОР) можно найти в значительном количестве монографий и статей. Однако лишь несколько из них персонально посвящено именно ему [1, 2] или же он входит в пару главных героев-антагонистов [3–7]. Кроме того, ряд монографий посвящен заключительному этапу обороны Севастополя [8, 9], и их авторы не могли оставить без внимания деятельность Октябрьского как военачальника, обстоятельства его эвакуации на Кавказ в ночь с 30 июня на 1 июля 1942 г., а также последовавшие за этим события.

Отдельные работы, авторами которых являются дочь адмирала Римма Филипповна Октябрьская и военный историк Б. В. Никольский, содержат тексты многочисленных эго-документов, авторство которых принадлежит Ф. С. Октябрьскому. Главным образом, это дневниковые записи и много-

численные письма, хронологически относящиеся к 1940–1960-м гг. Также Р. Ф. Октябрьской в 2009 и 2013 гг. были опубликованы две части сборника «Историку на заметку. Из архива адмирала Ф. С. Октябрьского» [10, 11]. Эти сборники содержат значительное количество перечисленных выше типов эго-документов, сопровождающихся автобиографическими и историческими комментариями их составителя, которые в некоторых случаях являются весьма ценными.

По воспоминаниям Р. Ф. Октябрьской, её отец вел дневниковые записи с использованием специального шифра на протяжении всего периода Великой Отечественной войны, а затем, в начале 1960-х гг., самостоятельно их расшифровал [12, с. 50]. Оригиналы расшифрованных дневниковых записей и переписка Октябрьского, по всей видимости, до сих пор находятся в семейном архиве. Его наследники не передают оригиналы этих документов в музейные или архивные учреждения, аргументируя это высказанным при жизни желанием самого адмирала. Впрочем, копии некоторых из этих документов на протяжении второй половины XX – начала XXI вв. разными путями всё же попали в фонды Севастопольских музеев, где с ними могли познакомиться отдельные историки, в частности уже упоминавшийся Б. В. Никольский. Однако доступ к ним исследователей по разным причинам затруднен. В целом следует констатировать, что даже опубликованная на данный момент часть личных документов из архива Ф. С. Октябрьского представлена в малотиражных печатных изданиях, знакомство с которыми зачастую возможно лишь в севастопольских библиотеках.

Методы исследования

Для реализации данного исследования автором был использован биографический метод (пропосография), а непосредственно при работе с текстами – контент-анализ и дискурсивный анализ. Полученные из текстовых источников результаты были интерпретированы с позиций истории памяти (memory studies), в частности концепции культурной памяти Я. Ассмана.

Результаты и дискуссия

Биография Ф. С. Октябрьского связана со многими трагическими событиями, в том числе произошедшими в 1942 г. Однако среди них можно выделить два наиболее масштабных и драматичных: разгром Крымского фронта на Керченском полуострове в мае 1942 г. и занятие немецкими войсками Севастополя (июнь–июль 1942 г.). В обоих случаях в боевых действиях активнейшим образом участвовали силы ЧФ, причем именно проблемы с организацией эвакуации морским путем стали причиной гибели или пленения сотен тысяч советских военнослужащих [подробнее см., например: 8, 13]. При этом важно уточнить, что основную часть времени Октябрьский находился в обороняющемся Севастополе, поэтому именно севастопольские ма-

териалы в его эго-документах представляют особую историографическую ценность.

В декабре 1941 – январе 1942 гг. в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции были освобождены ранее захваченные немецкими войсками территории в восточной части Крыма. Из переправившихся с Кавказа частей здесь был сформирован Крымский фронт под командованием генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова. Предполагалось, что в результате наступления этого фронта с востока, которое будет поддержано с юга-запада войсками СОР, удастся к лету 1942 г. полностью освободить территорию Крымского полуострова. При этом, как отмечают исследователи, одной из проблем Крымского фронта являлась оторванность от основных коммуникаций, вследствие чего огромное значение в поддержании его боеспособности имели морские перевозки через Керченский пролив [13, с. 26]. Поэтому весной 1942 г. встал вопрос о том, чтобы Ф. С. Октябрьский был переведен на Кавказ и оттуда руководил флотом, в том числе занимался обеспечением Крымского фронта. Однако Октябрьский после прямого обращения к И. В. Сталину был оставлен на главной базе ЧФ и совмещал командование флотом и руководство силами СОР [9, с. 105–106]. В период с 17 по 29 апреля Октябрьский совершил длительную поездку на Кавказ и на Керченский полуостров, в том числе связанную с вопросами организации транспортного снабжения и поддержки действий Крымского фронта силами ЧФ, однако затем вновь вернулся в Севастополь [11, с. 158–161].

В начале мая 1942 г. немецкие и румынские войска перешли в наступление на позиции Крымского фронта и к 20 мая он был полностью разгромлен. Под постоянными обстрелами со стороны противника удалось эвакуировать на кавказский берег около 120 тыс. военнослужащих, потери же составили более 175 тыс. чел. Ещё до 15 тыс. военнослужащих, окруженных силами неприятеля, вынуждены были спуститься в Большие и Малые Аджимушкайские каменоломни, где оказывали сопротивление врагу вплоть до конца октября 1942 г. [13, с. 80–83, 130].

В дневниковых записях Октябрьского за май 1942 г. теме боев на Керченском полуострове уделяется значительное внимание. Прежде всего для него был неожиданным успех наступления немецко-румынских войск против численно превосходящих их войск Крымского фронта: «...наши на Керченском направлении вроде бегут. Противник наступает, а силы 1/5 в нашу пользу (9 мая 1942 г.)»; «Утренние сведения по Крымскому фронту неутешительные. Противник продвигается, наши, видимо, отходят на Турецкий вал. Если это так, то это может стать большой аварией, если не хуже» (12 мая 1942 г.) [11, с. 164–165].

Спустя несколько дней ситуация для советских войск становится ещё более неблагоприятной, а причины прорыва противником Крымского фронта для Октябрьского по-прежнему остаются непонятными. Так, 14 мая 1942 г. он несколько раз

возвращается к этой теме в своем дневнике: «Получил телеграмму..., что главнокомандующий приказал начать эвакуацию Керчи. Это страшно! <...> написал телеграмму в Москву т. Сталину, копию в Керчь Буденному, выразил недоумение принятием такого решения, написал, что это смерти подобно. Прошу т. Сталина отменить это решение, приказать держать Керчь... во что бы то ни стало» [11, с. 166].

В эти же дни Октябрьский фиксирует свое видение причин сложившейся на Керченском полуострове критической ситуации. Если первоначально он даже предполагал использование противником какого-либо нового, высокоэффективного вооружения или измену среди командования, то затем он однозначно указывает на критические просчеты руководства фронтом: растерянность и потерю управления, отсутствие глубины обороны, ошибочное и поспешное решение об эвакуации [11, с. 166–169]. 20 мая 1942 г. Октябрьский в своем дневнике окончательно констатирует разгром Крымского фронта, а также справедливо предполагает, что теперь основной удар немецко-румынской группировки в Крыму будет сконцентрированно направлен на овладение Севастополем [11, с. 170].

В изученных нами эго-документах послевоенного периода Октябрьский практически никогда не обращался к теме разгрома Крымского фронта, по всей видимости, потому, что данный сюжет не был напрямую связан с его репутацией как военачальника. Известно лишь, что в 1967 г. в качестве одной из своих многочисленных мемориальных инициатив он обратился в ЦК Коммунистической партии Украины (КПУ) с просьбой выделить средства на создание в Керчи памятников, посвященных событиям Великой Отечественной войны. В частности, он считал неправильным отсутствие на тот момент мемориальных сооружений в Аджимушкае, который он назвал «...священным местом, где погибли десятки тысяч наших людей» [10, с. 158].

В то же время тема обороны Севастополя 1941–1942 гг., в частности её трагический финал, заняла центральное место в личном автобиографическом нарративе Октябрьского. При освещении этой темы наиболее важными для него были следующие позиции: 1) требование однозначного признания его главным организатором и руководителем обороны Севастополя; 2) декларирование того, что падение города-героя было вызвано факторами, на которые он не мог повлиять; 3) неоспоримость тезисов о том, что эвакуация Октябрьского была инициирована вышестоящим руководством, являлась необходимой и уже не имела никакого существенного влияния на судьбу обреченного Севастополя и его защитников.

Непосредственно в дневниковых записях Октябрьского драматизм описания событий после начала третьего штурма Севастополя постепенно нарастает: «Весь день прошел в исключительно жестоких боях. Противник жмет, рвет и мечет. <...> Как бы удержаться, не отступить дальше (8 июня 1942 г.);

«Восьмые сутки непрерывных боев... Каждый день противник сбрасывает на нас более 3000 бомб... (14 июня 1942 г.); «Вышел на улицу, посмотрел – сплошное пожарище. Тяжело, больно, жаль город красавец (20 июня 1942 г.); «...прислали приказ: дальнейший отход прекратить. <...> Противник прогнаны на Федюхины высоты, взял центральную высоту... Вот попробуй не отходи. Противник авиацией разбивает все» (21 июня 1942 г.); «Бомбардировочная авиация [неприятеля] продолжает решать все вопросы: топит, бьет. Замучили сволочи! <...> Наша авиация совершенно парализована, противник не дает работать, выпускает тысячу снарядов по аэродрому, очень много бьет наших самолетов (26 июня 1942 г.)» [11, с. 181, 186–187, 193; 194–195, 200].

Судя по дневниковым записям, в последних числах июня Октябрьский окончательно понимает, что скорый захват города неприятелем неизбежен, и принимает соответствующие решения. Например, 27 июня он дает распоряжение уничтожить имеющийся запас авиабомб, чтобы они не достались противнику [11, с. 201]. Символично, что в эти же дни осуществляется эвакуация живописного полотна панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». Знаменитое произведение художника Ф. А. Рубо было разрезано на части, фрагменты скатаны на бревна и эвакуированы на Кавказ последним успешным рейсом из Севастополя лидера эскадренных миноносцев «Ташкент» [14, с. 304].

28 июня 1942 г. в своем дневнике Октябрьский сообщает о том, что в 16.00 по его приказу все части отошли на второй основной рубеж обороны и больше отходить им некуда [11, с. 202]. Спустя сутки, вечером 29 июня, он делает запись о том, что вынужден оставить свой основной командный пункт в черте города и передислоцироваться на запасной командный пункт, оборудованный в 35-й береговой батарее на мысе Херсонес [11, с. 203–204]. Именно в районе этой батареи в последующие дни находились последние значительные очаги сопротивления советских войск на Крымском полуострове. Оттуда же состоялись последние успешные эвакуации на морских судах, подводных лодках и самолетах, но они коснулись лишь небольшой части защитников Севастополя (около 2–3 тыс. чел.) из-за практически полного господства морского флота и авиации противника. Отдельные разрозненные группы и одиночные бойцы, укрывшись в подземных ходах взорванной 35-й береговой батареи, а также в естественных скальных укрытиях береговой линии, оказывали сопротивление вплоть до 12 июля 1942 г., когда последние из них были убиты или взяты в плен. По подсчетам историков к 30 июня 1942 г. количество советских военнослужащих, задействованных в обороне Севастополя, составляло около 129 тыс. чел., из которых погибло более 23 тыс., умерло от ран – 10 тыс., взято в плен – до 95 тыс. чел. [9, с. 588–589].

Сам руководитель СОР Ф. С. Октябрьский был успешно эвакуирован на Кавказ на самолете в ночь с 30 июня на 1 июля 1942 г. Его последняя дневниковая

запись, относящаяся к периоду обороны Севастополя, датирована 30 июня 1942 г., затем записи на длительное время прерываются. В этой записи он сообщает о том, что в связи с возникшим критическим положением он обратился к вышестоящему командованию (И. В. Сталин, Н. Г. Кузнецов, С. М. Буденный) с просьбой о срочной эвакуации офицеров оборонявшейся группировки и получил на это согласие. При этом одним из его аргументов было то, что количество организованных защитников Севастополя на тот момент якобы составляло всего 5–5,5 тыс. чел. (!). После этого Октябрьский возложил руководство оставшимися войсками на коменданта одного из секторов обороны СОР, генерал-майора П. Г. Новикова [11, с. 204–205], а сам покинул Севастополь на специально присланном с Большой земли самолете. Практически одновременно с ним на подводных лодках были эвакуированы и другие ключевые фигуры, обеспечивавшие оборону, в том числе командующий Приморской армией, генерал-майор И. Е. Петров и первый секретарь Севастопольского горкома ВКП(б) Б. А. Борисов.

Безусловно, эвакуация значительной части высшего командного состава способствовала потере управляемости, вызвала дезорганизацию и панику среди военнослужащих, что снизило эффективность их сопротивления и приблизило неминуемый полный разгром [9, с. 504–505]. В послевоенный период во время различных публичных выступлений Ф. С. Октябрьскому неоднократно задавали вопросы о том, было ли неизбежным оставление Севастополя и насколько оправданной была его эвакуация. Падение Севастополя адмирал Октябрьский по-прежнему объяснял тем, что в сложившихся условиях лета 1942 г. оборонявшие Севастополь силы уже не могли пополняться в достаточном количестве живой силой, техникой и боеприпасами [11, с. 214–215], что в целом подтверждают все исследователи данного вопроса. Вместе с тем именно на высшее военное командование страны Октябрьский перекладывал ответственность за срыв плана эвакуации раненых и последних защитников. На встрече с севастопольскими экскурсоводами в апреле 1963 г. он говорил об этом так: «В душе я лично чувствовал, что нас решено использовать на 100 процентов, чтобы мы задерживали здесь немцев, а помощи не оказывали потому, чтобы в другом месте не ослаблять готовящихся для контрудара сил Красной Армии. Так оно и было»; «Надо было всех вывести, а на чем? Мы не имели тогда сил преодолеть врага в воздухе, это главная причина, почему наши люди погибли и попали в плен. Если бы мы послали флот, надводные корабли [с Кавказа] – весь флот был бы уничтожен» [11, с. 215, 241–243].

В 1966 г. в переписке Октябрьского с редакцией газеты «Красная звезда» по поводу одной из статей предметом достаточно острой дискуссии стал вопрос о степени боеспособности военных подразделений, оборонявших Севастополь по состоянию на 30 июня 1942 г. По утверждению бывшего командующего СОР, они уже представ-

ляли собой разрозненные, неорганизованные остатки полков и бригад, связи с которыми у командования не было, а их реальную численность установить было невозможно [11, с. 244–250]. А в одном из своих писем Октябрьский написал о том, что «Севастополь пал потому, что стало некому и нечем воевать» [10, с. 148].

Впрочем, в послевоенный период для Октябрьского было недостаточно только озвучивать свою версию происходящего на важные для него вопросы. Он стремился к тому, чтобы именно его взгляд на события прошлого закрепился в виде каноничного текста о второй героической обороне Севастополя, объявляя иные трактовки апокрифичными, а потому не заслуживающими доверия. Как показывает в своих работах немецкий исследователь памяти Я. Ассман, именно такая канонизация текстов была характерна для культурной памяти ещё со времен первых цивилизаций [15, с. 126–130]. Сам Ассман утверждал, что память об исторических событиях окончательно переходит из «живой» коммуникативной памяти в «застывшую» и канонизированную культурную память на протяжении жизни 3–4 поколений [15, с. 58–59].

Однако хочется уточнить, что в социокультурной ситуации XX века важные условия для такого перехода начинают создаваться намного раньше, уже спустя одно–два десятилетия после тех или иных событий. Именно тогда помимо простых форм коммуникативного воспроизводства информации о событии (устный рассказ, личное письмо, первичное автобиографическое интервью) наиболее амбициозные и влиятельные акторы из числа участников событий начинают предпринимать попытки изложить свою версию памяти о прошлом в более канонизированных культурных формах, например, через публикацию мемуаров.

В этом контексте случай Ф. С. Октябрьского является довольно специфичным. С одной стороны, в отличие от некоторых других участников описываемых событий он вплоть до своей смерти отказывался от идеи подготовки каких-либо мемуаров для публикации. По утверждениям родных Октябрьского, он объяснял это так: «То, что я напишу – не издадут, а то, что напечатают, я писать не буду» [11, с. 4]. В одном из публичных выступлений 1958 г. он также объяснял отказ от идеи написания мемуаров тем, что многие данные относительно событий военного времени с его участием все ещё засекречены и не подлежат разглашению [11, с. 209]. При этом источники однозначно свидетельствуют о том, что в 1950–1960-е гг. Ф. С. Октябрьский очень внимательно следил за процессом появления мемуарной литературы по истории Великой Отечественной войны на юге СССР, в Крыму и Севастополе, активно комментируя её содержание и вступая в полемику с авторами-мемуаристами.

В дневниковых записях Октябрьского за 1941–1942 гг. нам не удалось найти какой-либо серьезной критики И. Е. Петрова и Б. А. Борисова – тех, кто вме-

сте с ним осуществлял руководство обороной Севастополя. Однако спустя 10–15 лет после окончания войны он начинает последовательно критиковать их за неправдивое описание военных событий, «принижение» роли ЧФ в обороне и «возвеличивание» вклада сухопутных сил и городского населения [см.: 11, с. 211–214; 14, с. 299]. В частности, критике со стороны Октябрьского подверглось первое издание мемуаров Б. А. Борисова «Подвиг Севастополя» (1951), причем суть его претензий сводилась именно к тому, что автор не акцентировал внимание на личной роли командующего ЧФ в обороне города-героя [16, с. 280–281].

После того как в 1958 г. умер И. Е. Петров, основным объектом нападок со стороны Октябрьского стал один из представителей руководящего офицерского состава Приморской армии А. И. Ковтун (Ковтун-Станкевич), опубликовавший свои «Севастопольские дневники» (в действительности – мемуарное произведение, стилизованное под дневник) на страницах журнала «Новый мир» [17]. После этого Октябрьский вступил в переписку с главным редактором журнала А. Т. Твардовским, утверждая, что данное мемуарное произведение является «недобросовестным» и «оскорбительным для Военно-морского флота» [11, с. 236].

Ранее Октябрьский уже несколько раз вступал в публичную полемику с Ковтуном во время проводившихся в начале 1960-х гг. военно-научных конференций по истории Великой Отечественной войны. Прежде всего речь идет о конференции, состоявшейся 15–19 мая 1961 г. в Севастополе и приуроченной к 20-летию с начала его обороны. Ф. С. Октябрьский был одним из инициаторов проведения этого мероприятия, рассматривая его как возможность максимально публично высказать свою позицию и подвергнуть критике исторические трактовки оппонентов. В частности, именно ему первым была предоставлена возможность выступить с докладом, стенограмма которого сохранилась в фондах Морской библиотеки Севастополя и насчитывает 147 листов машинописного текста [18, с. 9–156]. В этом докладе, ещё раз озвучивая все важные для себя позиции трактовки севастопольских событий, Октябрьский явно продолжал преуменьшать масштабы трагедии, произошедшей на мысе Херсонес в июле 1942 г. В частности, он оценил количество взятых здесь в плен советских военнослужащих не более чем в 2,5–3 тыс. человек [18, с. 152]. В заключительной части своего выступления он ещё раз подчеркнул приоритет Военно-морского флота в защите Севастополя, упомянув его первым в следующей тираде, казавшее бы имеющей консолидирующее содержание: «...в какой бы области кто не заходил освещать вторую оборону..., в изобразительном ли искусстве, в литературе, в драматургии или в музыке, если мы хотим отразить правдиво то, что фактически было, мы должны показать три основные силы, действовавшие в обороне – морские, сухопутные, воздушные» [18, с. 155]. Таким образом,

он не только перечислил участников обороны, но и указал на основных «конструкторов» культурной памяти в социокультурных условиях того времени – писателей, художников, музыкантов, режиссеров [см.: 16, с. 409]. Когда же свой доклад о действиях Приморской армии делал А. И. Ковтун, то Октябрьский периодически прерывал его речь репликами типа: «какую чушь Вы говорите», «этого не было» и проч. [см.: 18, с. 297, 308].

Личная пикировка между Октябрьским и Ковтуном продолжилась и во время военно-научной конференции, состоявшейся в Симферопольском гарнизонном Доме офицеров 19–21 декабря 1961 г. В своем выступлении адмирал Октябрьский вновь допустил нападки в адрес покойного И. Е. Петрова, критиковал мемуары Б. А. Борисова за то, что в них «много напутано» и они вводят читателей в заблуждение [см.: 19, с. 108, 110–111]. Вынужденный парировать Ковтун завершил свое выступление такими словами: «Товарищ Октябрьский выдвигает обвинение Приморской армии, якобы она почти ничего не сделала. Это безответственно. Армия выполнила свою задачу. Погибли тысячи воинов...» [19, с. 120].

Помимо мемуарной литературы объектом постоянного внимания Октябрьского являлись и другие публикации – от газетных очерков до энциклопедических статей. В 1962 г. Октябрьский вступил в переписку с редакцией «Большой советской энциклопедии», высказывая неудовольствие тем, что в одной из статей именно И. Е. Петров, а не он был назван руководителем обороны Севастополя [3, с. 156]. Пытаясь преуменьшить вклад Петрова, Октябрьский в данном письме обвинял его в самых неблагоприятных поступках: рукоприкладстве, шантаже, «приписках» в отчетности [3, с. 161–163]. Опубликованные письма и личные записи адмирала Октябрьского послевоенных лет свидетельствуют о том, что он также неоднократно писал в редакции газет «Красная звезда» [10, с. 14, 151–157; 11, с. 238–243] и «Правда» [6, с. 113–116], указывая на ошибки в различных статьях, посвященных истории Великой Отечественной войны. При этом даже в тех случаях, когда сотрудники редакций соглашались со справедливостью некоторых его замечаний, они отказывались публиковать присланные им материалы из-за их оскорбительного тона и откровенной субъективности.

Своеобразной «кульминацией» мемориальных конфликтов, инициированных Октябрьским, стала его реакция на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. о вручении Севастополю ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», что окончательно закрепляло статус этого населенного пункта как города-героя. Октябрьский развил очень бурную, хотя и непубличную деятельность по критике этого официального документа. Он дважды обращался к высшему партийному руководству СССР и имел несколько встреч с функционерами Политбюро ЦК КПСС, добиваясь пересмотра формулировки указа, в аргументационной части которого говорилось лишь о «...мужестве и ге-

роизме, проявленных трудящимися города Севастополя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» [20, л. 72]. С точки зрения официальной политики памяти того времени такая формулировка, в которой не было упомянуто о роли Военно-морского флота (что и было наиболее болезненно для Октябрьского), отражала стремление властей сформировать локальную героическую идентичность без учета военно-корпоративной принадлежности и с акцентом не только на боевые, но и на трудовые подвиги [подробнее о роли городо-героев в послевоенной политике памяти и о формировании в них локальной героической идентичности см.: 16, с. 21–26]. Однако адмирал Октябрьский воспринял текст этого документа как игнорирование общего вклада ЧФ в оборону города 1941–1942 гг. и принижение лично его как командующего флотом. Впрочем, никаких значимых последствий его активность в данном случае не имела.

Выводы

На основе анализа эго-документов Ф. С. Октябрьского следует констатировать субъективность воспоминаний, стремление автора представить себя в позитивном свете и возложить ответственность за поражения и провалы на не зависящие от его воли факторы или других лиц, которое со временем усиливается. Когда определенные исторические события начинают из сферы более живой и неформальной коммуникативной памяти переходить в область культурной памяти, находя свое отражение в устойчивом мемориальном нарративе (изданные мемуары, энциклопедические статьи и проч.), участники событий начинают активнее репрезентовать свою трактовку, включаются в «борьбу за правду», которая может перерасти в настоящие «войны памяти». Случай Ф. С. Октябрьского является ярким примером имевшей место в 1950–1960-е гг. борьбы за закрепление определенного интерпретационного канона некоторых трагических событий Великой Отечественной войны, которая, несмотря на активность и разнонаправленность мемориальной деятельности адмирала, всё же не привела к желанным для него результатам.

Исследование было проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Севастополя, проект № 20-411-920005 «Опыт осмысления Великой Отечественной войны в пространстве городской культуры (кроссрегиональный анализ: Севастополь – Новороссийск)».

Литература

1. Октябрьская, Р. Ф. Штормовые годы: Рассказ об адмирале Ф. С. Октябрьском / Р. Ф. Октябрьская. – Киев : Политиздат Украины, 1989. – 237 с.
2. Скрыльник, А. И. Флаг командующего / А. И. Скрыльник. – М. : Бастион, 1996. – 142 с.
3. Никольский, Б. В. Адмирал Октябрьский против генерала Петрова. Исторический очерк : в 4 ч. / Б. В. Никольский. – Севастополь : Минная башня, 2018. – Ч. 1. – 168 с.
4. Никольский, Б. В. Адмирал Октябрьский против генерала Петрова. Исторический очерк : в 4 ч. / Б. В. Никольский. – Севастополь : Минная башня, 2018. – Ч. 2. – 128 с.
5. Никольский, Б. В. Адмирал Октябрьский против генерала Петрова. Исторический очерк : в 4 ч. / Б. В. Никольский. – Севастополь : Минная башня, 2018. – Ч. 3. – 212 с.
6. Никольский, Б. В. Адмирал Октябрьский против генерала Петрова. Исторический очерк : в 4 ч. / Б. В. Никольский. – Севастополь : Минная башня, 2018. – Ч. 4. – 126 с.
7. Широкопад, А. Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини / А. Б. Широкопад. – М. : Вече, 2011. – 351 с.
8. Манюшин, И. С. Героическая трагедия: О последних днях обороны Севастополя (29 июня – 12 июля 1942 г.) / И. С. Манюшин. – Симферополь : Таврида, 2001. – 208 с.
9. Нуждин, О. Севастополь в июне 1942 г.: хроника осажденного города / О. Нуждин, С. Рузаев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 752 с.
10. Историк на заметку. Из архива адмирала Ф. С. Октябрьского / авт.-сост. Р. Ф. Октябрьская. – Севастополь, 2009. – Ч. 1. – 284 с.
11. Историк на заметку. Из архива адмирала Ф. С. Октябрьского / авт.-сост. Р. Ф. Октябрьская. – Севастополь : Мистэ, 2013. – Ч. 2. – 287 с.
12. Октябрьская, Р. Ф. Люди из прошлого или семейный портрет в интерьере прошедшего времени: (Семейная хроника) / Р. Ф. Октябрьская. – Севастополь, 1999. – 95 с.
13. Абрамов, В. В. Аджимушкой 1942 / В. В. Абрамов. – Симферополь : Антикава, 2016. – 432 с.
14. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
15. Из стенограммы встречи коллектива работников «Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг.» и Ялтинского экскурсионного бюро с Героем Советского Союза адмиралом Ф. С. Октябрьским (18 декабря 1958 г.) // Москва – Севастополь: Архивно-краеведческий альманах. Вып. 1. – М., 2016. – С. 299–306.
16. Волков, Е. В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти / Е. В. Волков, Н. С. Журавлева, И. В. Сибиряков. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2021. – 499 с.
17. Ковтун, А. И. Севастопольские дневники / А. И. Ковтун // Новый мир. – 1963. – № 8. – С. 75–156.
18. Сборник материалов военно-исторической конференции, посвященной двадцатилетию героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. : в 3 т. Т. 1. – Севастополь, 1961. – 380 с.
19. В борьбе за Крым: стенограммы выступлений военно-научной конференции. – Симферополь, 1961. – 125 с.
20. Государственный архив Российской Феде-

рации. – Ф. Р-7523. – Оп. 82. – Д. 216.

21. Попов, А. Д. «Созвездие вечной славы»: города-герои Советского Союза в географическом и символическом пространстве / А. Д. Попов // Новое прошлое / The New Past. – 2019. – № 2. – С. 70–87.

22. Davis, V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City / V. Davis. – London: I. B. Taurus, 2018. – 351 p.

23. Mijnsen, I. Russia's Hero Cities: From Post-war Ruins to the Soviet Heroarchy / I. Mijnsen. – Indi-

ana University Press, 2021. – 332 p.

24. Plokhy, S. The City of Glory: Sevastopol in Russian Historical Mythology / S. Plokhy // Journal of Contemporary History. – 2000. – № 35. – P. 369–383.

25. Qualls, K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II / K. Qualls. – Ithaca ; London : Cornell University Press, 2009. – 188 p.

26. Qualls, K. Who Makes Local Memories?: The Case of Sevastopol after World War II / K. Qualls // Soviet and Post-Soviet Review. – 2011. – № 38. – P. 130–148.

Попов Алексей Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь), e-mail: popalex79@mail.ru. ORCID 0000-0001-5672-1198

Поступила в редакцию 12 марта 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh220204

THE EVENTS OF MILITARY HISTORY OF 1942 AND THEIR INTERPRETATION IN EGO DOCUMENTS OF F. S. OKTYABRSKY

A. D. Popov

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation

The article analyzes the coverage of two tragic events of the Great Patriotic War: the defeat of the Crimean Front (May 1942) and the capture of Sevastopol by Nazi troops (June–July 1942) in ego documents (diaries, letters, texts of public speeches, personal records) of F. S. Oktyabrsky (1899–1969), who was the vice admiral, commander of the Black Sea Navy Fleet at that time. Having analyzed the materials of 1942–1969, the author concludes that subjectivity typical for sources of personal origin, the author's desire to present himself positively, the trend to shift the responsibility for defeats and failures to factors independent of his will or to other persons, increases as he moves from communicative memory to cultural memory. The case of F. S. Oktyabrsky is a vivid example of the active desire to influence the content of the memorial narrative (published memoirs, official documents, encyclopedic articles and publications in periodicals), declared as a «battle for truth» which turns into «wars of memory» with other event participants, researchers and representatives of creative professions who become «designers» of cultural memory.

Keywords: cultural memory, historical politics, traumatic experience, ego-document, Black Sea Fleet, Sevastopol, Kerch, Great Patriotic War.

References

1. Oktyabr'skaya R.F. Shtormovye gody: Rasskaz ob admirale F.S. Oktyabr'skom [Storm Years: The Story of Admiral F. S. Oktyabrsky]. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1989. 237 s.
2. Skryl'nik A.I. Flag komanduyushchego [Commander Flag]. M.: Bastion, 1996. 142 s.
3. Nikol'skiy B.V. Admiral Oktyabr'skiy protiv generala Petrova. Istoricheskiy ocherk [Admiral Oktyabrsky against General Petrov. Historical Essay]: v 4 p. P. 1. Sevastopol: Minnaya bashnya, 2018. 168 s.
4. Nikol'skiy B.V. Admiral Oktyabr'skiy protiv generala Petrova. Istoricheskiy ocherk [Admiral Oktyabrsky against General Petrov. Historical Essay]: v 4 p. P. 2. Sevastopol: Minnaya bashnya, 2018. 128 s.
5. Nikol'skiy B.V. Admiral Oktyabr'skiy protiv generala Petrova. Istoricheskiy ocherk [Admiral Oktyabrsky against General Petrov. Historical Essay]: v 4 p. P. 3. Sevastopol: Minnaya bashnya, 2018. 212 s.
6. Nikol'skiy B.V. Admiral Oktyabr'skiy protiv generala Petrova. Istoricheskiy ocherk [Admiral Oktyabrsky against General Petrov. Historical Essay]: v 4 p. P. 4. Sevastopol: Minnaya bashnya, 2018. 126 s.
7. Shirokorad A.B. Admiral Oktyabr'skiy protiv Mussolini [Admiral Oktyabrsky vs. Mussolini]. M.: Veche, 2011. 351 s.
8. Manoshin I.S. Geroicheskaya tragediya: O poslednikh dnyakh oborony Sevastopolya (29 iyunya –

12 iyulya 1942 g.) [Heroic Tragedy: About the Last Days of the Defense of Sevastopol (June 29 – July 12, 1942)]. Simferopol: Tavrida, 2001. 208 s.

9. Nuzhdin O., Ruzaev S. Sevastopol' v iyune 1942 g.: khronika osazhdennoy goroda [Sevastopol in June 1942: Chronicle of the Besieged City]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 752 s.

10. Istoriku na zametku. Iz arkhiva admirala F. S. Oktyabr'skogo [To the Historian's Note. From the Archive of Admiral F. S. Oktyabr'sky] / avt.-sost. R.F. Oktyabr'skaya. V 2 p. P. 1. Sevastopol, 2009. 284 s.

11. Istoriku na zametku. Iz arkhiva admirala F. S. Oktyabr'skogo / avt.-sost. R. F. Oktyabr'skaya. V 2 p. P. 2 [To the Historian's Note. From the Archive of Admiral F. S. Oktyabr'sky]. Sevastopol: Miste, 2013. 287 s.

12. Oktyabr'skaya R.F. Lyudi iz proshlogo ili semeynyy portret v inter'ere proshedshego vremeni: (Semeynaya khronika) [People from the Past or Family Portrait in the Interior of the Past Tense: (Family Chronicle)]. Sevastopol, 1999. 95 s.

13. Abramov V.V. Adzhimushkay 1942 [Ajimushkai 1942]. Simferopol: Antikva, 2016. 432 s.

14. Assman Y. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.

15. Iz stenogrammy vstrechi kollektiva rabotnikov «Panoramy oborony Sevastopolya 1854–1855 gg.» i Yaltinskogo ekskursionnogo byuro s Geroem Sovetskogo Soyuza admiralom F.S. Oktyabr'skim (18 dekabrya 1958 g.) [From the Transcript of the Meeting of the Team of Workers «Panorama of Defense of Sevastopol 1854–1855» and Yalta Excursion Bureau with the Hero of the Soviet Union Admiral F.S. Oktyabr'sky (December 18, 1958)] // *Moskva – Sevastopol: Arkhivno-kraevedcheskiy al'manakh*. Vyp. 1. M., 2016. S. 299–306.

16. Volkov E.V., Zhuravleva N.S., Sibiryakov I.V. «Leningrada chernomorskiy brat»: Sevastopol' v sovetskoy kul'turnoy pamyati [«Leningrad's Black Sea brother»: Sevastopol in Soviet Cultural Memory]. Chelyabinsk: Izdatel'skiy tsentr YuUrGU, 2021. 499 s.

17. Kovtun A.I. Sevastopol'skie dnevniki [Sevastopol Diaries] // *Novyy mir*. 1963. № 8. S. 75–156.

18. Sbornik materialov voenno-istoricheskoy konferentsii, posvyashchennoy dvadtsatiletiyu geroicheskoy oborony Sevastopolya 1941–1942 gg. [Collection of Materials of the Military-Historical Conference Dedicated to the Twentieth Anniversary of the Heroic Defense of Sevastopol 1941–1942]: v 3 t. T. 1. Sevastopol, 1961. 380 s.

19. Kovtun A.I. Sevastopol'skie dnevniki [Sevastopol Diaries] // *Novyy mir*. 1963. № 8. S. 75–156.

20. Sbornik materialov voenno-istoricheskoy konferentsii, posvyashchennoy dvadtsatiletiyu geroicheskoy oborony Sevastopolya 1941–1942 gg. [Collection of Materials of the Military-Historical Conference Dedicated to the Twentieth Anniversary of the Heroic Defense of Sevastopol 1941–1942]: v 3 t. T. 1. Sevastopol, 1961. 380 s.

21. Popov A.D. «Sozvezdie vechnoy slavy»: goroda-geroi Sovetskogo Soyuza v geograficheskom i simvolicheskom prostranstve [«Constellation of Eternal Glory»: Hero Cities of the Soviet Union in Geographical and Symbolic Space] // *Novoe proshloe / The New Past*. 2019. № 2. S. 70–87.

22. Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London: I.B. Taurus, 2018. 351 p.

23. Mijnsen I. Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy. Indiana University Press, 2021. 332 p.

24. Plokhly S. The City of Glory: Sevastopol in Russian Historical Mythology // *Journal of Contemporary History*. 2000. № 35. P. 369–383.

25. Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. 188 p.

26. Qualls K. Who Makes Local Memories?: The Case of Sevastopol after World War II // *Soviet and Post-Soviet Review*. 2011. № 38. P. 130–148.

Aleksei D. Popov – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky (Simferopol), e-mail: popalex79@mail.ru

Received March 12, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Попов, А. Д. События военной истории 1942 года и их интерпретация в эго-документах Ф. С. Октябрского / А. Д. Попов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 27–34. DOI: 10.14529/ssh220204

FOR CITATION

Popov A. D. The Events of Military History of 1942 and Their Interpretation in Ego Documents of F. S. Oktyabr'sky. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 27–34. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220204